

8.

Сначала я подумал, что ослышался.

Цзи Цинъянь удалил железы.

Как такое могло случиться?

Это невозможно...

Хотя я не видел его целый год, судя по тому, что я о нем знал, он никогда бы не забрал что-то настолько важное по собственной инициативе.

Знал ли он... что значит для человека потерять свои железы?

— Вы знаете, почему он это сделал? — сухо спросил я.

Она некоторое время молчала.

— Он сказал мне, что сделал это, чтобы исцелить себя. Я не знаю, где он услышал о таком решении... но я знаю, что это нечто большее. Он знает, что когда он пометит омегу, которая соответствует его феромонам, он больше не заболеет, и это самый безопасный способ.

...Подумав об этом, я пришла к выводу, что единственный человек, который мог бы заставить его решиться на это, это... ты. Вот я и хотела поговорить с тобой.

Я закрыл глаза.

Тихо вздохнул.

Опять.

— Я отказываюсь. — я спокойно сказал. — Я дал ему это понять год назад, и целый год мы почти не общались. Если вы мне не верите, можете пойти и спросить. Что касается... Цин..., Цзи Цинъяня. — я поджал губы, подавляя боль в глубине своего сердца и желание расспросить о подробностях, и тихо сказал. — Я не знаю причины, по которой он это сделал. Но, в конце концов, мы знали друг друга много лет, и, если возможно, я бы тоже хотел, чтобы у него сейчас все было хорошо.

Мать Цзи явно не ожидала, что я буду так решительно откажусь. После секундного колебания она, заикаясь, произнесла:

— Гуань И, как ты можешь... Цинъянь так сильно заботится о тебе!

В следующую секунду я неожиданно заставил ее повесить трубку.

Я не мог удержаться от смеха, представив, как она в оцепенении сжимает свой телефон, а потом принимает разъяренный вид.

Смеясь, я чуть не расплакался.

Цинъянь... был ли он идиотом?

9.

Она больше мне не звонила.

Но через несколько дней она попросила свою ассистентку прислать мне адрес больницы, где находился Цинъянь.

Она могла так сильно ошибаться. Я всегда задавался вопросом, нет ли чего-то неправильного в их отношениях матери и сына.

Когда я приехал в больницу, я все еще был немного сбит с толку.

Долгое время. Прошло много времени с тех пор, как я видел его в последний раз.

Правда ли, что Цинъянь удалил свои железы?

Почему его следующая жизнь полностью отличается от его предыдущей жизни...

Я стоял в дверях палаты, тупо глядя на Цзи Цинъяня, который все еще спал.

У него было бледное лицо, и он был намного худее, чем когда я видел его в последний раз. В носу у него была кислородная трубка, на руке – капельница, а за ушами была повязана марля. От его тела больше не исходил знакомый... запах.

Многочисленные признаки указывали на то, что ему действительно удалили железы.

Зачем ты это сделал?

Мои глаза неосознанно загорелись, и в какой-то момент я медленно подошел и сел рядом с ним.

Я не мог себе представить, насколько болезненным будет удаление железы, но из новостей и газетных сообщений, которые я видел в прошлом, я мог предположить, что этот процесс был абсолютно душераздирающим.

Что еще более важно, после удаления своих желез он больше не был альфой.

А скорее – ограниченный член общества.

Возможно, мой взгляд был слишком горячим. Цзи Цинъянь, за которым я наблюдал, сморщился от боли и даже открыл глаза.

— ...Брат... Гуань.

Его голос был таким хриплым, что я с трудом разбирал, что он говорит.

Казалось, он осознал, что его голос звучит хрипло, и в следующую секунду попытался изобразить бледную улыбку, как будто пытался что-то скрыть.

— Я снова вижу сны о тебе, брат Гуань... ..Прости... меня. Мне... правда жаль.

10.

Глубокая боль и вина в его глазах не казались фальшивыми, даже настолько тяжелыми, что это шокировало.

В последний раз я видел его год назад. В то время Цзи Цинъянь только-только начал меняться и все еще был ярким молодым альфой. У меня было предчувствие, что в будущем он понравится многим омегам, которые будут совместимы с его феромонами.

...Всего за один короткий год все изменилось.

Какова была причина, побудившая его принять такое необратимое решение?

Я ошеломленно выслушал его извинения, и у меня появилось смутное предчувствие. Эта мысль была слишком невероятной, и я снова почувствовал сильную боль в запястье.

Так сильно, что к концу у меня тряслась не только рука, но и все тело.

Следующие слова Цзи Цинъяня буквально пригвоздили меня к стулу, и я некоторое время не мог прийти в себя.

— Как я мог забыть тебя...

«Как я мог забыть тебя».

Мое предчувствие сбылось, и необъяснимые сожаления о моей прошлой жизни, наконец, были мягко стерты. В этот момент слезы потекли по моему лицу.

...Думаю, это было именно то предложение, которого я ждал.

Много раз... когда я впервые вышел из самолета и увидел, как он представляет мне Фэйфэя, когда я увидел, как они с Фэйфэем любят друг друга, когда ему было больно из-за Фэйфэя, когда он испытывал боль и эмоциональное расстройство из-за Фэйфэя, когда я утешала его со слезами на глазах, когда он утешал меня, когда он неловко понял, что нравится мне, когда решил обручиться с Фэйфэем...

Когда... Я почувствовал себя больным и, наконец, решил попрощаться с ним.

— Цинъянь.

Я наконец обрел дар речи и нежно взял его за руку.

Цзи Цинъянь некоторое время молчал, и его глаза постепенно прояснились.

— ...Это правда ты. — сказал он. — Я не сплю. Ты действительно пришел повидаться со мной...

— он помолчал и нерешительно спросил. — Брат Гуань, почему ты плачешь?

11.

Да, я разрыдался.

Я сделал глубокий вдох и сменил тему:

— Хорошо, что ты очнулся. Я... пойду вызову врача.

— Стой! — Цзи Цинъянь громко окликнул меня сзади. Он быстро осознал, что утратил, и понизил голос. — Брат Гуань... Я должен кое-что сказать.

Я вздрогнул и повернул голову.

— Брат Гуань, моя мать спрашивала меня, зачем я это сделал... Думаю, это тоже одна из причин, по которой она позвала тебя. Я ясно сказал ей, чтобы она тебя не беспокоила. — Цзи Циньянь горько улыбнулся, его голос был хриплым. — Итак, я хочу извиниться от ее имени, брат Гуань.

Я сжал кулаки.

— ...Это не твоя мать позвала меня сюда, я сам хотел тебя увидеть. — я заставил себя поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза. — Почему сделал это?

На самом деле, у меня в голове уже был расплывчатый ответ, но я все равно считал его невероятным и даже абсурдным.

На этот раз Цзи Циньянь молчал довольно долго.

— ...Мне приснился сон, может быть, он покажется тебе забавным. Во сне мы с братом Гуанем полюбили друг друга, хотя оба были альфами.

Сказав это, он медленно замолчал.

Потому что у меня было предчувствие, что воздействие его следующей фразы не превзойдет предыдущее предложение «как я мог забыть тебя».

Я опустил глаза.

—Что произошло после этого?

— После этого..... — голос Цзи Циньяня был очень тихим. — После этого... я потерял брата Гуаня.

Говорить, казалось, стало очень трудно, так как он медленно поднял руки и прикрыл глаза.

Мои глаза тоже пронзила боль.

Сделав глубокий вдох, я попытался сказать спокойным тоном:

— Я собираюсь вызвать врача.

12.

Оказывается, Циньянь тоже возродился.

Или... ему просто приснилась история того мира.

Неважно, что это был за мир, я хотел поблагодарить его за то, что он мне сказал.

Как я мог забыть тебя.

Кажется, что «я», умершее в одиночестве в другом мире, уже не было таким несчастным и полным сожалений.

13

Когда врач осматривал Циньяня, я стоял у двери и молча наблюдал.

Он был еще молод и относительно быстро поправился. Его внешность, казалось, была лишь немного бледнее, чем раньше, но мы все знали, что после потери желез он больше не сможет выделять свои собственные уникальные феромоны и потеряет способность продолжать семейную линию.

Даже если бы в будущем установили искусственные железы.

Пойти на такую большую жертву ради того, чтобы избавиться от собственных неупорядоченных феромонных симптомов. Действительно ли это того стоило?

У него явно был лучший вариант.

Цзи Цинъянь был сейчас очень слаб, и короткий период пробуждения и разговоров, казалось, отнял у него всю энергию. Вскоре после этого он снова заснул. Дав несколько инструкций, врач и медсестра ушли, и в палате снова воцарилась тишина.

Скоро должна была прийти мать Цзи.

Я не осмелился подойти ближе, просто сжал руки и посмотрел на Цинъяня, который спокойно спал.

В моем мозгу все еще царил беспорядок, как будто он превратился в кассетный проигрыватель. Это предложение... оно постоянно прокручивалось у меня в голове, как заклинание, но в процессе восприятия возникали ошибки и задержки, из-за чего он не мог спокойно его переварить.

Спустя совсем немного времени я начал задаваться вопросом, не ослышался ли я.

Возможно... это было потому, что я действительно хотел услышать это.

Я все еще был в оцепенении, когда вдруг увидел, что Цинъянь беспокойно ворочается во сне.

Его бледные и шелушащиеся губы приоткрылись, словно желая что-то произнести...

— Брат Гуань.

14.

Я снова убежал.

Мой мозг пришел в норму и снова начал работать, а мысли стали яснее. В то же время болезненные сожаления о прошлой жизни внезапно нахлынули, как паводок, и мне стало трудно дышать.

Я всегда думал.

Я мог бы забыть об этом.

Вот так просто.

Цинъянь, как ты мог вспомнить?

Таким образом, все, что было в нашей прошлой жизни... казалось таким нелепым и бессмысленным.

15.

Я спрятался дома, чтобы справиться со своим настроением, и даже отказался от различных мероприятий фотоклуба, просто чтобы иметь возможность успокоиться в одиночестве.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимал, что многие сожаления из моей прошлой жизни казались сном. Эти обиды все еще были в моих воспоминаниях, и эти навязчивые идеи все еще глубоко укоренились, но, поскольку я мог начать свою жизнь сначала, мне пора было отпустить их.

Включая Цинъяня.

Именно... так?

16.

Неожиданно Цинъянь постучался сам.

Когда он постучал в дверь, я ждал доставку обеда и, не задумываясь, открыл дверь.

...Оказалось, что на пороге стоит Цзи Цинъянь, который, вероятно, только что проснулся.

Я слишком хорошо его знал, даже несмотря на то, что он специально уложил волосы, переоделся в чистую рубашку и предстал передо мной с очень здоровым видом. Его лицо все еще было слишком бледным, а лоб вспотел от слабости...

Я все это видел.

Он, вероятно, не ожидал, что я так быстро открою дверь, и быстро отдернул руку, которая дрожала и которую пришлось опереть о стену, чтобы сохранить равновесие.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, прежде чем я сухо сказал:

— Ты... Цинъянь, почему ты здесь?

Цзи Цинъянь изобразил уродливую и бледную улыбку, но его глаза были устремлены на меня, словно в них горело яркое пламя, полное жизненной силы, что очень не вязалось с его внешностью:

— Я должен кое-что сказать тебе, брат Гуань.

Под этим пристальным взглядом я не смог удержаться и опустил глаза.

— Входи.

Цзи Цинъянь не был вежлив и просто зашел, чтобы непринужденно переобуться. Если во время нашей последней встречи он все еще был немного сдержан, то на этот раз он был полон решимости, как будто ничто не могло помешать ему.

...Если бы я не видел собственными глазами, что его шаги были неуверенными, когда он шел, и что в тот момент, когда он встал, переобувшись, он все еще немного покачивался из-за неустойчивости своего тела.

Я поджал губы и отвел взгляд.

После того, как он сел, я молча заварил чашку горячего чая и протянул ему. В этот момент на его лице наконец-то появился намек на сдержанность. Возможно, он почувствовал, что я был слишком вежливым.

...Честно говоря, я просто тянул время, чтобы вернуть контроль над своим настроением.

Он появился слишком внезапно, и я еще не успел полностью собраться с мыслями. Основываясь на моем представлении о нем и на том, что я слышал от него несколько дней назад, я, кажется, догадался, почему он пришел сегодня.

Цзи Цинъянь некоторое время тупо смотрел на горячий чай, а затем хрипло спросил:

— Брат Гуань... сейчас один? У меня еще есть шанс?

В результате его вступительное заявление было слишком прямолинейным и неожиданно удивило меня. Я слегка нахмурился.

Прежде чем я успел заговорить, Цзи Цинъянь поспешно прервал меня и быстро заговорил:

— Брату Гуаню не нужно отвечать сейчас...

Он остановился на мгновение, глубоко вздохнул, как будто наконец принял решение, и повернул голову, чтобы решительно посмотреть на меня.

...Как и прежде, в его глазах горел свет.

На какое-то время я почувствовал себя немного ошеломленным.

— Сначала я хочу рассказать брату Гуаню историю. — он поджал губы, и улыбка постепенно исчезла с его лица. Его взгляд все еще был прикован ко мне, словно липкий шелк, как будто он мог проникнуть сквозь мою кожу и схватить мое сердце. — ...Историю о том, как я потерял тебя.

Автору есть что сказать:

Цинъянь: — Я готов.

<http://bllate.org/book/14304/1711796>